

У ЯЗЫКА ЕСТЬ АФФТАР

Двадцатый век. Простите, двадцать первый. Век профессиональных пользователей. За какие-то считанные годы, месяцы и дни мы в совершенстве овладеваем юзерством (это специфическое определение, но речь пойдет именно о нем), которое, в связи с неумолимой технологической прогрессией, давно пора выделить в отдельное образовательное направление. С остервенением голодного менеджера, кидаящегося на бизнес-ланч, мы всей своей многоумной головой бросаемся на многообещающие амбразуры сотовых телефонов, компьютеров, пластиковых карточек и DVD-плееров.

О том, что мы являемся

профессиональными пользователями телевизоров, автомобилей и стиральных машин, говорить вообще уже, вроде как, и неприлично. Все это не может не радовать – жизнь-просто постепенно превращается в жизнь-light. Оно и радует, но печалит совсем другое. Погрязнув в своем бесконечном юзерстве и слэнге, мы напрочь забываем о том, чем когда-то владели в совершенстве, и что действительно облегчало нам жизнь – о пользовании русским языком. «Забыли и забыли – возразите вы. Проблем много – времени мало. Надо крутиться. Эпистоляр нам ни к чему»

А вот давайте разберемся?

«Фомский шевелил мозгой почти целый день. Все уже растусовались кто куда, на плэньере вопил Петруха, а Фомский все парился. Все бы давно срослось, если бы его не доставал Юдик со своими мэссаджами:

*– С л ы ш ь ,
Фомский. Кончай пасти ежеиков.*

Юдик припарковал чемодан бабла и зашелестел капустой: Твенти ван, твенти ту, твенти фри.

– Глянь, Фомский, вот гиббоны, – опять куклу подсунули. А потом расстрезвонят, что это я скоммуниздил. Твенти фо, твенти файв...»

«Аффтара! Аффтара», – восхищенно скандируем мы! Пелевина, Сорокина, Стогова, Апушкина и О.Негина. И еще этих, которые миллионными тиражами. Вот ведь талант – как тонко прочувствована психология человека, свернувшего на неверную дорожку, как выверен стиль, как подмечены нюансы речи! Узнаем наших современников – остроло-

вов и фабулистов, мастеров искрометной интриги и зубодробительного сюжета. Меж тем вы удивитесь: стар как сюжет, так и автор, покинувший мир наш аж в 1919 году. Не верите?

А если так: «...И долго думал Фома, почти весь день. Разошлись по делам своим ученики, и уже где-то за стеною громко и весело кричал Петр, а он все соображал. Он сделал бы это вдвое быстрее, но ему несколько мешал Иуда, неотступно следивший за ним насмешливым взглядом и изредка всерьез спрашивавший: Ну как, Фома? Как идет дело?»

Потом Иуда притащил свой денежный ящик и, громко звеня монетами и притворно не глядя на Фому, стал считать деньги.

- Двадцать один, двадцать два, двадцать три... Смотри, Фома, опять фальшивая монета. Ах, какие все люди мошенники, они даже жертвуют фальшивые деньги... Двадцать четыре... А потом скажут, что украл Иуда... Двадцать пять, двадцать шесть...»

Узнали?

«Иуда Искариот» Леонида Андреева. Собственно, с высоты прогрессирующей тенденции к минимизации расстояния между литературой и бытом, можно сказать, что первый текст «те же удобрения, только на лопате». Да не в обиду Леониду Андрееву поговорка. Ведь и вправду же – удобрения. Чтобы то, что нынче растет, выросло качественным и жизнестойким.

Все так. Вопрос – к чему растущее должно стремиться?

Если к обладанию баблом и ограничению умственной деятельности од-

ним единственным вопросом: «куда бабло припарковать?», то тогда сойдет и первый вариант. А ежели к пониманию, созерцанию и самосовершенствованию, то извольте чтить традиции, помнить, а значит пользоваться. Иначе на выходе получим абзац. Первый, заметьте, абзац. Страшно?

С универсальностью поспорить трудно. У нее свои неопровержимые аргументы. Темпы другие. То, что успевали делать десять лет назад, не успеваем сегодня даже при наличии «тачек», «компов» и «труб». А что говорить про житие вековой давности...

Скептики уже, поди, наострили пики: «А что им делать было еще, этим трутням буржуазным? Что им мешало точить лясы да упражняться в словоблудии?» Пожалуй, так. Но, с другой стороны, жаргон существовал с того момента, как появились его пользователи – альтернативное, поправшее общечеловеческую и религиозную мораль, сообщество изгоев и жуликов, когда они превратили свое разрозненное существование в некий социум, обремененный внутренними порядками, правилами и отличиями. И одним из таких отличий,

меткой, позволяющей опознать в толпе своих, и стал жаргон, трансформировавшийся с появлением профессиональных коалиций в слэнг.

То есть, жаргон был. Был всегда. Тогда почему же Чехов, Куприн или Лесков, например, не позволяли себе в творчестве опускаться до дворовой брани? Может, не знали, не слышали, не хотели слышать? Быть того не может – существуя в обществе, невозможно

пренебрегать его законами. Во всяком случае, игнорировать. Почему Иван Тургенев написал диалог Рудина с Натальей не так:

«– Я сегодня трындел с маманей твоей – классная тетка, супер просто! Я догоняю, почему бомонд от нее офигевал...»

...Слышь, Натаха, давай упадем. Вот и лавка – продолжал он. – Ты не дрейфь, я уверен, что ты попритрешься ко мне и мы затусуемся (он лыбился и пялился прямо на нее). Учи албан-

ский!»

«Вот хамло. Я ему что, сопливка пэтэушная!» – подумала Натаха, и не догоняя паровоза, сморозила:

- Сам-то долго здесь собираешься паразитировать?

- Лето протусуюсь, осень, может, и зимой зависну. Я на бобах – дела ни к черту, достало пахать на дядю. Задолбало вопросы решать. Пора задвинуть...»

О чем? Про что? То ли драматическая бытовуха, то ли бытовая драма...

А вот совсем по-другому: «Я сегодня утром разговаривал с вашей матушкой – она необыкновенная женщина. Я понимаю, почему все наши поэты дожили ее дружбой...»

– Сядемте здесь на скамью, – продолжал он. – Вот так. Мне почему-то кажется, что, когда вы попривыкните ко мне (и он с улыбкой посмотрел ей в лицо), мы будем приятелями с вами. Как вы полагаете?

«Он обращается со мной, как с девочкой», – подумала опять Наталья и, не зная, что сказать, спросила его, долго ли он намерен остаться в деревне.

– Все лето, осень, а может быть и зиму. Я, вы знаете, человек очень небогатый; дела мои расстроены, да и при том мне уже наскучило таскаться с места на место. Пора отдохнуть...»

Все предельно ясно и лаконично. И вывод напрашивается один. Все эти авторы, вероятнее всего, общались как с равными себе, так и с челядью: приказчиками, лавочниками, кучерами (читай: чиновниками, продавцами, таксистами). И разговаривали они вряд ли витиевато и заковыристо, а вот на бумагу словестный сор не выносили. Почему? Мыслили четко. Знали, что хотели сказать. Знали, зачем. Да, вероятно, все-таки любили себя в искусстве!

Мы же, зачастую погрязнув в стандартном наборе обиходных терминов, не можем отыскать нужных выражений, чтобы обозначить свои мысли. Мысль вроде есть, а слов – нет! И начинаем усиленно жестикулировать и на разные лады убеждать своих визави в том, что все будет шоколадно, круто и пучком. И рискуем быть не понятыми – ведь у всех разные представления о том, что есть «круто». А не значит ли это, что стремление к расширению кругозора, даже, в частности, за счет коллекционирования новых слов, ведет к ясности выражения своих мыслей. А что? При условии владения россыпью синонимов какой-то из них в нужный момент нет-нет да и подсобит мыслительной паузе, сохранив нашу репутацию интеллектуала и демагога. И сухой диалог превратится в занимательную беседу. И с нами захотят общаться и общаться, как в рекламе «рондо».

Вообще, ювелирные диалоги – отличительная черта настоящих мастеров. Владеть слогом, чтобы излагать свои мысли без искажения. Владеть слогом, чтобы быть понятным. Мысль не усеченная и упакованная в синтетическое восприятие, а летящая, филигранная и в то же время доступная, не потерянная в ворохе вторичной слэнговой шелухи. Легкая мысль. Которую хочется смаковать, держать в голове, переосмысливать, даже оспаривать.

Нам же сейчас приходится довольствоваться «понятиями», которые не так давно пришли в язык из просеянной лагерьными советской популяцией и ограничили ареал взаимодействия, сузив рамки поиска смысла. Разговор по понятиям означает, что не нужно искать в глобальном, а достаточно опуститься на ступеньку вниз до жаргона – и смысл не заставляет себя ждать.

Очевидно, одна из собак зарыта в идеалах. Приобретение или потеря тех или иных законов аудиообщения напрямую завязана с кумирами, предлагаемыми как стыдящимися, но не отказывающимся от «джинсы» СМИ, так и всевозможными художественными промыслами – от сериалов, воспевających жизнь бандита поневоле (ах-ах, какая трагичная доля!), до толстенных многосерийных бестселлеров опять-таки про несчастных бандитов. А они ведь хорошие-прехорошие. Это судьба-злодейка. Они бы токарями стали или водителями маршрутки, но вот незадача – кругом враги. Кто-то же должен вершить справедливость! И вся страна рыдает над приключениями до несуразницы везучих красавчиков. Сломая голову и размахивая дарами гипермаркетов, несутся стар и млад к телеэкрану сопереживать и сочувствовать незатейливому сюжету, забывая, что кругом никуда не девшийся дефицит. Дефицит этого самого сочувствия, эмоционального общения, философии в конце концов.

Но все. Слезы выплаканы. Адреналин выброшен. Философия определена.

– Слышь, браток, ты че – не врубаешься? Мы тут капусту косим, а не сопли на кулак наматываем. Шлепай, ботаник, в Караганду, пока педали не открутили!

Далась законодателям слэнга эта Ка-

раганда! Хороший город. Красивый. Старинный. Не хуже и не лучше других. Со словом «где» хорошо рифмуется. Так с ним и другие рифмуются...

Возвращаясь к нашей теме, хочется сделать вывод: слэнг, новояз, жаргон – как душе угодно – не рождается сам – его рожают социальные слои и авторы. Почему и зачем он возникает в разных профессио-нальных или неформальных

прослойках – понятно, а вот зачем его рожают авторы – неочевидно! Почему герои и героини милениума не просто отличаются – прямо противоположны образцам для подражания и предметам исследований литераторов (массового кино

*Я, блин, по жизни тусовался,
 Пока какой-то в перьях черт
 На вечерине мне попался...
 ... Я думал: Все – копыта двинул!
 А этот черт мне мэйл подкинул:
 Восстань, чувак, попробуй джага-джага!
 И злую жабу задуши!
 Не парься! И до полного оттяга
 Сайгач и отрывайся от души!»*

Какие тут могут быть комментарии? Разумеется, сегодня мы не просто живем – мыслим другими категориями. И эпистолярный жанр за ненужностью удаляется в трэш атавизмов. Зачем красивые слова, если есть универсизмы.

Чтобы описать что-то, что нас очень порадовало, мы не будем распинаться о его характеристиках интеллигентными виршами – мы просто сообщим, что все соо! или супер! И потеряем. Потеряем смысл, уникальность происходящего. Сделаем происходящее рутинным и обыденным. А через это потеряем собственную индивидуальность.

Естественно, ни о каком нравоучении или навязывании фразеологической морали речь моя не идет – сама, увы, страдаю от нехватки этих самых нематериальных ценностей русского языка. Скорее, все наоборот. Пользуйтесь, уважаемые, своим универсальным новоязом, но помните – упрощать нельзя бесконечно. Оруэла хотя бы поднимите – ведь именно он придумал термин

ведь тогда не было) прошлого века? Почему сегодня у героя на первом месте стоит расчет, а «вчера» стояли эмоции? И разве не они отличают человека от животного?

*«Духовной жаждою томим,
 В пустыне мрачной я влачил
 И шестикрылый серафим
 На перепутье мне явился...
 ...Как труп в пустыне я лежал,
 И бога глас ко мне воззвал:
 «Восстань, пророк, и виждь, и внемли.
 Исполнись волею моею,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей».*

Сегодня идеология Александра Пушкина, вероятно, выглядела бы примерно следующим образом:

«Понтясь, клубясь и колготясь,

«новояз» – плохо там у него дело кончилось!

Недолго и нам до того, что все 10000 обиходных слов русского языка регрессируют до 1000, потом до 100, а там, глядишь, и слово «беее» заменит все остальные.

Так ведь и это не беда!
 Для нас же главное что?
 Главное – взаимопонимание!

Лиана ВИКУЛОВА

Фото: Константина КУЛИКОВА